

Отзыв научного руководителя на диссертацию
Екатерины Сергеевны Скрыпник
на соискание учёной степени кандидата исторических наук
«Правление императрицы У Цзэ-тянь (624-705)
в нормативной историографии».

Представляемая к защите диссертация имеет несколько очевидных сильных сторон. Перечислим их. Изучение средневекового Китая традиционно заметно уступает по количеству работ и специалистов и изучению современности, и древнекитайской истории. В российском китаеведении, вообще переживающем не лучшие времена, это особенно очевидно – историков-медиевистов среди китаистов исчезающе мало, впору говорить о риске разрыва преемственности.

Автором, помимо эпохи, исключительно удачно выбран период – правление императрицы У, сумевшей не только стать императором, но и быть им долгие десятилетия, неплохо справляясь с тяжестью «шапки Мономаха». Нельзя сказать, что императрица обойдена вниманием – но в России про неё написано крайне мало, западные работы немногочисленны и скорее нарративны, как и китайские из числа качественных – говорить о легионе бульварщины не будем. Таким образом, хорошее исследование этой проблематики может стать важным вкладом не только в российское китаеведение. Нельзя не отметить и крайнюю актуальность выбранного сюжета в связи с продолжающимся ростом внимания учёных к гендерным исследованиям – увы, в этом направлении российская наука также пока не может похвастаться лидерскими позициями.

При этом трудно было бы ожидать от работы настоящих свершений, ограничься автор политической историей. В эту ловушку попадают многие – историю правления У Цзэ-тянь обычно пишут по нормативным (стандартным, династийным) историям, которые – будучи крайне интересным и детальным источником – прежде всего были написаны на 200-300 лет позже описываемых событий, и, что ещё важнее – конфуцианскими историографами, принципиальными противниками и недоброжелателями правительницы. Игнорировать это на современной стадии развития исторической науки, казалось бы, невозможно – однако задача написания истории правления императрицы У с

опорой на синхронные источники (или хотя бы верификации летописных данных там, где это возможно) пока практически никем не ставилась – и сама возможность её постановки, казалось, требует проверки. Вполне оправданным при этом выглядит желание автора в первую очередь разобраться в источниковедческой ситуации проблемы, проанализировать специфику отображения правления нетипичного императора в нормативных историях и выделить основные особенности искажения исторической правды в этих текстах. В рамках решения этих вопросов автор выходит на интересные обобщения, касающиеся историографии не только данного периода, но и всего конфуцианского летописания вообще. Многие выводы, к которым приходит автор, кажутся ожидаемыми – но при этом, кажется, эти соображения впервые доказаны столь убедительно, с опорой на столь скрупулёзное изучение материала. Надо отметить, что танская история вообще крайне удачна для таких сопоставлений – в отличие от почти всех иных периодов истории Китая здесь в нашем распоряжении сразу две официальные истории, сравнительный анализ которой позволяет ещё ярче высветить характерные особенности источников.

Однако если бы автор ограничился только анализом текстов хроник, работа, пожалуй, получилась бы сухой. К тому же, ставя вопрос о том, как именно авторы летописей искажали историческую реальность, нужно бы в начале обзавестись какой-то основой для поверки их данных – которой, конечно, могут стать только данные синхронных источников. Удивительно, что это соображение крайне редко приходило в голову предшественников автора, вполне довольных данными летописных глав – но в данном случае, к счастью, перед нами исключение. Здравое оценив невозможность охватить все аспекты истории периода, автор обратил особое внимание на идеологию правления императрицы/императора, её усилия по легитимизации своего нетипичного правления. Выбор этого аспекта удачен не только по причине его яркости – именно эта деятельность, конечно, вызывала наибольшее раздражение по мизогиничным конфуцианских авторов – и именно тут стоит ожидать от них самых последовательных и ожесточённых усилий по исправлению истории, её реинтерпретации с «правильных» позиций. Расчёт оказался верным – и даже сверх того. В этих, казалось бы, несколько избыточных параграфах автору удалось

не только решить задачи по анализу летописных искажений, но и написать, кажется, самую фундированную на данный момент историю борьбы императрицы за власть и легитимность, историю её попыток найти – или даже создать – поддержку своей власти в буддизме, даосизме, даже самом конфуцианстве. Впервые эта история написана прежде всего не на летописных данных, далёких от объективности – а на кропотливо собранных синхронных источниках – эпиграфике, поэзии, буддийских текстах и комментариях к ним, документах, сохранившихся в Библиотечной пещере монастыря Могао, данных археологических исследований. Во время работы автором закономерно было сделано множество небольших, но важных открытий, опровергнуто немало устоявшихся в литературе мнений. Так и должно было случиться. В этом направлении, к слову говоря, надо видеть и перспективы дальнейшей работы автора – многие синхронные источники, могущие лечь в основу настоящей истории У Цзэ-тянь, ещё предстоит собрать и изучить. Но начало положено – и очень впечатляющее.

Отдельно я бы хотел обратить внимание на огромное количество обширных цитат из самых разных памятников, которые встречаются в диссертации. Не так уж часто встречаются работы с таким количеством переводов – тем более из текстов на классическом китайском языке. Почти все эти тексты (повторим ещё раз – крайне жанрово разнообразные, что отражается и на языке!) никогда не переводились на западные языки – ныне они вводятся в научный оборот впервые.

Как научный руководитель я очень высоко оцениваю представленную к защите работу. Полагаю, она отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям – и, пожалуй, в чём-то даже с заметным запасом.

С.н.с. Отдела Китая, зав. сектором древней и средневековой истории Китая
ИВ РАН, к.и.н.

С.В. Дмитриев

15.10.2021, Москва

